

Юй Линь поднял голову. Лестница уходила вверх, ступенька за ступенькой, до самых облаков, где находились Врата Куньлунь. Он легко подпрыгнул и преодолел три ступеньки, затем ещё раз прыгнул, продолжая подниматься с той же скоростью. С полудня до вечера он наконец достиг вершины лестницы. Перед ним раскинулась огромная площадь, способная вместить десять тысяч человек. Говорили, что её создал величайший мечник времён основателей Куньлуны, Семь Мечей. Если встать на эту площадь, можно почувствовать меч, пронизывающий камень.

Юй Линь осознал свой путь меча на этой площади, когда ему было девять лет.

Он шаг за шагом следовал по стопам предков, подходя к Вратам Куньлунь. Ворота возвышались до небес, и человек перед ними казался крошечным. Юй Линь поднял голову и увидел огромную каменную плиту над воротами, на которой были высечены слова «Врата Куньлунь» в стиле дикой травы.

Меч, исходящий из этих слов, заставил Юй Линя дрожать.

Он вонзил свой меч в каменную трещину, упал на колени и громко крикнул:

— Неблагодарный ученик Юй Линь, подведший своего учителя, пришёл просить прощения.

Его голос громко разнёсся по всей горе.

Ворота с грохотом открылись, и из них вырвался горный ветер, развевавший волосы Юй Линя. Он не поднял головы, оставаясь на коленях, позволив холодному ветру дуть на него.

Изнутри донёсся голос, звучавший то близко, то далеко:

— Разве ты не войдёшь лечиться? Или ждёшь, пока учитель сам выйдет за тобой?

— Ученик не смеет, — тут же ответил Юй Линь, вытащил меч и вошёл внутрь. Врата Куньлунь с грохотом закрылись за ним.

Юй Линь сразу же направился в главный зал. Он словно вернулся домой, и его тело, державшееся из последних сил, наконец сдало, и он упал. Кто-то подхватил его, поднял упавший меч и исчез в зале.

— Чао Минь уже здесь, Е Юй в его руках, — успел сказать Юй Линь перед тем, как потерять сознание.

Человек, поддержавший его, замер, затем фыркнул и отнёс Юй Линя в лечебницу. После этого он направился к центральному пику Врат Куньлунь и, глядя на облака, плывущие вниз, словно видел того талантливого и почти непобедимого мужчину.

Он был безжалостен, бессердечен и в погоне за боевым искусством почти потерял человечность.

Появление этого мужчины стало настоящей катастрофой для мира боевых искусств.

Развевая широкие рукава, учитель Юй Линя, Сюэ Жун, с каменным лицом направился к Мечевому кладбищу — глубокой яме, уходящей на тысячу метров вниз. Он прыгнул вниз, держа руки за спиной. На дне ямы лежали тысячи сломанных мечей, излучающих ледяную убийственную ауру. Сюэ Жун встал на рукоять одного из мечей, повернулся и увидел среди груды оружия полуразрушенный холодный меч. Изначально он был длиной четыре чи, четыре цуня и четыре фэня, с естественными узорами на клинке и спокойным блеском. Это был один из знаменитых мечей времён основателей, но теперь Сюэ Жун видел лишь его половину.

Он подошёл к мечу, и его отражение появилось на клинке. Пятьдесят лет жизни не оставили ни следа на его лице, только длинные белые волосы, спадавшие до пояса.

Он положил руку на рукоять, и ледяное ощущение проникло в его ладонь. Не дрогнув, он собрал энергию и попытался поднять меч, но тот не сдвинулся с места. Сюэ Жун наконец улыбнулся.

— Хороший меч.

Затем он закрыл глаза и торжественно произнёс:

— Ученик Сюэ Жун, пятьдесят шестой патриарх главного зала Врат Куньлунь, сегодня беспокоит предков по необходимости. Прошу, помогите мне уничтожить демона Чао Миня.

Меч внезапно издал звон, и Сюэ Жун, собрав все силы, вытащил его из камня. Он поднял меч, сложил два пальца и медленно провёл ими по лезвию, затем развернулся и взлетел вверх.

Никто не может бросить вызов Вратам Куньлунь. Пришедший будет убит. Даже если это Чао Минь, я, как патриарх главного зала, обязательно убью его у ворот Куньлунь.

А на реке медленно плыло грузовое судно. Внутри Е Юй зевнул, укутался в одеяло и попытался заснуть. Спать сразу после еды — настоящее счастье. Он зевнул и сказал сидящему рядом Чао Миню:

— Сяомин, не сиди слишком долго, зайди позже спать. Я уже согрею постель, чтобы тебе было тепло. Хотя сейчас уже весна, но ночи всё ещё холодные.

Чао Минь, небрежно опираясь на стену каюты, мельком взглянул на Е Юя и усмехнулся:

— Разве ты не мастер? Не знаешь, как согреться с помощью энергии?

Е Юй замер, покопавшись в своих обрывочных воспоминаниях, но так и не нашёл, как это сделать. Он укусил одеяло и, выглянув из-под него, фыркнул:

— Зачем тратить энергию, если есть одеяло? Жить так утомительно, эти мастера просто тратят свою жизнь. Жизнь — это когда есть еда, нужно протянуть руку, есть кровать — лечь. Тратить энергию и двигаться — это пустая трата сил. Ты ещё маленький, не понимаешь этих радостей, но постарайся не стать скучным святым мечником, понятно?

Чао Минь на мгновение растерялся, не зная, как ответить на эту абсурдную логику. Никто никогда не обсуждал с ним, что такое жизнь, и это казалось ему странным и новым.

— Эй, малыш, иди сюда, — вдруг сказал Е Юй, высунув руку из-под одеяла и поманив его.

Чао Минь лениво посмотрел на него, но, не выдержав его сияющего взгляда, с любопытством и скукой протянул руку. Как только он это сделал, Е Юй крепко схватил его. На мгновение Чао Минь хотел использовать энергию, чтобы разорвать его сосуды, но это жестокое действие застряло на полпути. Затем его резко потянули, Е Юй одной рукой откинул одеяло, другой держал Чао Миня, и втянул его под одеяло, крепко обняв.

— Тепло? — спросил он, запыхавшись.

Чао Минь оказался полностью в объятиях Е Юя, одеяло плотно укутало их, и тепло проникло в его сердце. Вокруг раздавалось дыхание Е Юя, его присутствие приносило уют.

Е Юй обнял мальчика руками и ногами, с удовольствием вздохнув:

— Вот это жизнь. Поспи, а утром поймем рыбу на завтрак. Жить без забот — это высшее счастье.

Лицо Чао Миня прижалось к груди Е Юя, и тёплое сердцебиение внезапно вызвало у него сонливость. Он давно не чувствовал этого, и, усмехнувшись, тихо сказал:

— Ты и правда ни на что больше не годен.

Но Е Юй уже крепко спал. Чао Минь не шевелился, лежа спокойно, и постепенно его глаза закрылись. Вокруг царил убаюкивающая теплота и знакомое сердцебиение, и он заснул.

Это был самый глубокий и беззаботный сон за всю его жизнь.

Впервые он не увидел тот леденящий сон. Во сне реки крови, он сидел на горе из трупов, улыбаясь закату между горными вершинами. Вокруг никого не было, он убил их всех. Родителей, дядей, братьев, сестёр, родственников...

Все мертвы, и Чао Минь считал, что они заслужили это. Но было немного холодно, холодно без причины. А теперь он был в тепле, трупы исчезли, крови не было, он ничего не видел во сне. Только дыхание и сердцебиение Е Юя окружали его.

Когда Е Юй проснулся, он увидел, что мальчик лежит на его груди, его лицо, прижатое к сердцу, выглядело невинным и мягким, как только что испечённый пирожок. Снаружи доносился плеск воды, а утренний свет, легче воды, проникал в каюту. Когда Е Юй повернул голову, свет мягко лёг на его ресницы.

Он сонно моргнул, пытаясь смахнуть солнечный свет с век.

Когда Чао Минь открыл глаза, он увидел лицо Е Юя, озарённое светом, чистое и безупречное.

В его сердце вдруг возникла тёмная, безумная мысль — закрыть лицо Е Юя от света, навсегда утащить его в тьму, туда, где нет солнца. Как и его жизнь, начавшаяся в холоде, без единого проблеска тепла, только в кровавом гнезде.

То, что оставалось на свету, было слишком далеко от него.

Е Юй, казалось, почувствовал этот зловеший взгляд. Он с недоумением огляделся, затем опустил глаза и встретился взглядом с Чао Минем. Не задумываясь, он положил руку на голову мальчика, прижав его лицо к своему сердцу, и пробормотал:

— Поспи ещё, я встану и поймаю нам рыбу на завтрак.

Чао Минь вздрогнул, его рука, лежавшая на Е Юе, медленно опустилась. Он закрыл глаза и продолжал слушать его сердцебиение.

Этот человек был таким тёплым.

<http://bllate.org/book/15304/1352585>